

СЕЗОН ОКОНЧЕН — СЕЗОН НАЧИНАЕТСЯ

2. С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОГО

МИНУВШИЙ сезон был достаточно щедр в отношении отечественной драмы, и в специическом понимании произведений советской, так и зарубежной литературы. На сцене появились имена Василия Шукшина, Эрисета Хемингуэя, Федюка Зальтена, Артура Хейли.

Как и первоначально, спектакли Театра комедии, Театра имени Ленинского комсомола, ТЮЗ, Театра имени А. С. Пушкина неравнозначны по художественным своим решениям, по социальной и психологической глубине.

Приглашенный из Минска на постановку спектакля «Характер» режиссер Борис Раевский, думаешь, полагался на то, что в рассказе В. Шукшина каждая роль — омонимична. Что ж, Валязета Уварова, Вера Карпова, Владимир Усков это с блеском доказали. Но зритель спектакль в целом, на едином дыхании, придал ему то исповедальное начало, которым так отличался шукшинская проза, постановочку не удалось. Дробность драматургии мал, истоичность режиссерского прочтения тому причиной — сказать трудно, но результат оказался явно ниже ожидавшегося. Это тем более обидно, что ленинградские театры имеют, и весьма успешный, опыт работы над произведениями этого автора: вспомни «Энергичных людей» и «До третьих петухов».

Закономерный интерес у зрителей вызвала интерпретация романа «По ком звонит колокол» (Театр имени Ленинского комсомола) и «Аэропорт» (Театр драмы имени А. С. Пушкина). Сюжетические их черты, предельно соответственно Геннадиему Опокровым и Александром Музалем, вроде бы, если брать в расчет только фабулу романа, сохраняют определенную верность авторам. Но, следуя внешней фабуле событий, — а в обоих случаях она оказалась (уви!)

ПРОДОЛЖЕНИЕ. Начало в номере от 1 августа.

ВРЕМЯ.
ХУДОЖНИК.
ТВОРЧЕСТВО

лишь детективно-любовной, — постановщики не сумели, по большей части в силу недостатков инсценировок, раскрыть философскую глубину оригиналов (из ни в коей мере не ставим эти романы на одну доску), передав социально-политический их заряд. И хотя в спектаклях заняты многие ведущие артисты театров, о крупных актерских достижениях здесь говорить не приходится. (Отметим лишь насыщенный острым драматизмом и душевным проникновением исполнение Эрой Зыганиной роли Чилар в постановке «По ком звонит колокол» и филигранное мастерство Лидии Штыкан в чисто концертно решаемом ею образе старой американки в спектакле «Аэропорт».)

Неудачи огорчительны, и хочется надеяться, что театры извлекут из них уроки, что Театр драмы имени А. С. Пушкина не заблудится внемлем зрительским успехом «Аэропорта». Если Театр имени Ленинского комсомола взял на себя смелость и есть стать интерпретатором романа Хемингуэя, стать посредником между писателем и современным молодым зрителем, часть которого, весьма возможно, еще не читала произведения, то он взял на себя и ответственность перед этим зрителем. Набывать об этом ни в коей мере не следует.

Большой драматический и Театр юных зрителей обратились к произведениям авторов менее известных и не

столь широко известных. Георгий Токстоногов поставил на Малой сцене спектакль с несколько необычным для нашей афиши названием — «Взлетные ногти» — по кинофильму Пауля Зинделла. За камерной в общем-то историей одной американской семьи режиссер в содружестве с художником Эдуардом Кочегриным, актрисами Людмилой Макаровой, Валентиной Король, Татьяной Беловой вскрывает страдания, непростые противоречия жизни американского общества, дает яркий и многогранный его срез. И сколько бы времени после спектакля ни прошло, из памяти не вылетит словно с рекламы зубной пасты сондавшая висине очаровательная, со сверкающей улыбкой и жестокой душой юная героиня (этакий современный образец фаншана) Елены Алексеевой, как не вылетит и взволнованно трепещущая героиня Татьяна Беловой, безоглядно утверждающая добрые, гуманные взаимоотношения между людьми, истово отстаивающая их.

Решение Зиновия Корободского обратиться к позабытой повести Ф. Зальтена «Бемби» не неожиданны и не случайно: воплощая лесную сказку, театр продолжает свой граждански страстный разговор с юным поколением о гуманизме, человечности, о критериях доброты и нравственности. Сказка обрела значительное подлинно философское, многогранное. В таком реше-

нии у режиссера были верные союзники — артисты Илья Соколова и Николай Иванов, вновь продемонстрировавшие свою виртуозную технику, умение постигать и раскрывать самые глубинные психологические пласты. Но главными союзниками стали юные зрители, чутко откликающиеся на все драматические, трагические, лирические события, происходящие на сцене. Хочется надеяться, что живой отклик, сопереживание «рыдательного зова» вызовет и героическая притча «Годный хмель», только что созданная театром в содружестве с драматургом Г. Горбовицким по рассказам Аркадия Гайдара. Театр, верный лучшим своим традициям, ведет героико-романтический рассказ о тех, кто свершил Великую Октябрьскую, кто остался «на тропе далекой, на гражданской», ведет его увлеченно.

Завершая разговор об инсценировках, нельзя не сказать об одной работе ТЮЗа — спектакле «Остановите Малахова», созданного на основе цикла публицистических очерков Валерия Аграновского. Это граждански страстное, бескомпромиссное исследование судьбы трудного подростка, губительной силы человеческого равнодушия, бездуховности сразу же привлекло внимание зрителей, критики, прессы, педагогов, так как вскрыло «болевые» точки воспитания подрастающего поколения, сказало о них в полный голос, со свойственной театру при-

страстностью и открытностью.

Да, сезон действительно щедро представил нам сценические версии произведений родственных видов искусств. Познакомил и с постановками нескольких пьес, но русской классической драматургии.

Не часто появлялись в репертуаре также названия, как «Тени» М. В. Савельева-Щедрина или «Недоросль» М. Д. Фонданына. И Э. Корободский в ТЮЗе, и А. Додий в Театре драмы и комедии предложили прочтения вполне самобытные, с озорством и сарказмом, стремясь точно передать социальную-психологическую атмосферу тех апох. О том, что их уроки, как говорили в старое время, «пользительны, свидетельствуют режиссер непохожих, как правило, зрительных влзов: спектакль эти приятен, и, отметим, весьма единодушно, и юность, которому они в первую очередь адресованы, и увлеченный седаном опытный театр.

Трактовки этих двух произведений столь убедительны, что и ве бессспорны, что мало у кого вызывают желание соотносить их с другими, прошлыми десятилетиями постановками, — не столько в силу давности текстов, сколько в силу своей самостоятельности, «вышности».

Владимиру Пази, дебютировавшему на сцене Малого драматического театра постановкой комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простота», пришлось труднее — слишком сложна в

решении зрительской интерпретации трактовки этой пьесы, получающей за последние годы самые разнообразные интерпретации. Волю или неволю оттолоски предшествующих прочтений угадываются в спектакле. Однако меньше всего нам хотелось бы упрекать режиссера, предложившего свою версию, во вторичности этого достаточно цельного, умного и тонкого спектакля. Хотелось бы сказать, что бы режиссерскому замыслу стаде и исполнению роли Гаумова Николаем Азаровым.

Теория о спектаклях «Тени», «Недоросль» и «На всякого мудреца довольно простота», необходимо отметить, что режиссура первой перебарщивает в выборе постановочных средств, щедрая ее фантазия все-таки помогает раскрыть главную мысль пьесы, спектакль, а некоторые актеры часанерно жаждут поддержки зрительного зала, «проглатывая» «пробалтыван» важный подчас для всей постановки текст.

Недостатки, издержки этих представлений очевидны. Но нельзя не отметить тот активный интерес как главных режиссеров, так и режиссеров, приглашенных на постановки, к произведениям, чуть ли не позабитым, стремление «свежими очами» взглянуть на творения классиков, не стремясь их внешне осовременить, но прочесть их, сохраняя верность автору, с позиций нашего современника.

И как тут не вспомнить слова Н. В. Гоголя о том, что «ужно вестн на сцену во всем своем блеске все совершеннейшее драматическое произведение всех веков и народов... Можно все пьесы сделать вновь свежими, новыми, любопытными для всех от мала до велика, если сумеешь их поставить, как следует, на сцену». Не худо бы иным режиссерам почаще вспоминать эти слова.

Б. ГРИГОРЬЕВ
(Окончание следует)